

Лешек Микрут
(Университет Марии Кюри-Склодовской, Польша)

Взаимопроникновение народных мифов Польши и ее восточных соседей (на примере избранных литературных произведений)

В течение уже многих столетий история и литература все время неразрывно связаны друг с другом. Прошлое мира, страны, региона, населенного пункта, семьи, данного человека неоднократно находит свое отражение в литературе, а литературная фантазия, в свою очередь, дополняет историю. С того времени, когда шотландский писатель сэр Вальтер Скотт (1771-1832) сочинил первый исторический роман *Узверли* (1812), стало уже известным, что история рассказывает «что было» в действительности, а литература – «как это было», не лишая правдоподобия фактов, о которых шла речь¹.

Параллельно с литературным развивалось и народное творчество, будучи его источником. Мотивы, образы, герои произведений, сочиненных писателями и поэтами, очень часто имеют свои корни в народном устном эпосе, ибо творцы художественной литературы понимали, что зародыши настоящего находятся в историческом прошлом - неоднократно не только в исторических фактах, а также в народной мифологии.

Именно она, потому что представляет собой довольно подвижную систему, гораздо более склонную к эволюции, чем любой другой фрагмент традиционной культуры, оказывает заметное, хотя тонкое влияние на национальную историографию. Народный миф, как составной элемент мировоззрения - системы взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение людей к окружающей их действительности и самим себе - это важный элемент человеческой жизни как в прошлом, так и в настоящее время. Он играет существенную роль в менталитете - системе своеобразия психической жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре, в качественной совокупности особенностей восприятия и оценки ими окружающего мира.

Народные мифы сопутствуют человеку с давних времен, становятся суще-

---

¹ Г. Лукач, *Исторический роман*, „Литературный критик“ 1937, s. 7, 9, 12.

ственной частью его жизни. Почти незаметно они обуславливают многие ее сферы. Если человек составляет звено исторического процесса, так и миф, который является неотъемлемой его частью, оказывает влияние на историю. И поэтому одновременно является он составным элементом национальной историографии. А поскольку приграничные территории соседствующих друг с другом государств имеют общие исторические корни, неоднократно обусловленные историческими мифами, поэтому и историография таких земель тоже неразрывно связана с этим плодом фантазии народа.

Четыре больших славянских народа с незапамятных времен живут рядом друг с другом на границе Западной и Восточной Европы. Украинцы, поляки, русские и белорусы, культивируя народные традиции, которые свое отражение неоднократно находят в истории данной страны, одновременно таким же образом обогащают национальную историографию. Наполняют ее народным духом, дополняют, оживляют. Синтез народного мифа и литературы, двух не основных, но существенных элементов историографии каждого государства, а также их взаимопроникновение, влияние друг на друга - это интереснейший фактор современной науки о прошлом.

Литературное творчество, главным образом, безымянных представителей народа оказывало в прошлом и сегодня оказывает большое влияние на литераторов данной страны, а также и других, прежде всего соседствующих с определенным народом, наций. Не знающая границ народная фантазия вдохновила русского и украинского писателя Григория Петровича Данилевского (1829-1890)², который сочинил на ее основании одну из своих стихотворных сказок, впоследствии (в 1853 году) появившихся в цикле его украинских народных сказаний под заглавием *Степные сказки*.

Этот русский прозаик из круга так называемой в польском литературоведении «украинской школы»³, почти забытый сегодня, хотя в своей эпохе необычайно популярный автор бытовых, посвященных украинской деревне в период крестьянской реформы 1861 года (*Беглые в Новороссии, Воля, Новые места*), судьбам русской интеллигенции (*Девятый вал, Не вытанцовалось*), и исторических романов, описывающих мрачные, закулисные стороны царствования русских правителей (*Мирович, Княжна Тараканова*), а также свободолюбивые порывы народа (*Сожженная Москва, Черный год, 1825 год*), опубликовал в начале 50-ых годов XIX века стихотворную сказку *Бесы*⁴.

Сам Данилевский, будучи украинцем по происхождению (он родился на Украине, оттуда идет начало его родословной, там будущий писатель провел свое детство, молодость и большую часть взрослой жизни) и все время культивируя в своем творчестве украинскую тематику, роль героев первого плана поручая, главным образом, именно украинцам, на родимой Украине помещая множество

² Обширную информацию, касающуюся жизни и творчества беллетриста, можно найти в статье: L. Mikrut, Grzegorz Danilewski. Sylwetka i kontakty literackie pisarza, „Slavia Orientalis” 1985, № 3-4. s. 239-268.

³ Впервые данный термин появился в статье: W. Mokry, Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XX wieku (*Zarys problematyki*), [w] *Literatura rosyjska i jej kulturowe konteksty*, praca zb. pod red. R. Łuznego. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1990, s.169-181.

⁴ Г.П. Данилевский, *Бесы*, [w] *Полное собрание сочинений в 24-х томах*, Sankt Petersburg 1901-8, s.122-124.

сюжетных эпизодов романов, повестей, рассказов, очерков и фельетонов, автор содержание *Бесов* заимствовал из фольклора - сокровищницы, не знающей границ народной фантазии. А был очарован ею еще с детства, благодаря происходившей из крепостной среды своей няне, как Александр Сергеевич Пушкин - Арине Радионовне. Поэтому можно легко предполагать, что сюжет этого произведения был знаком еще мальчику Грише когда-то в начале 30-ых годов XIX века, значит за долго перед тем, как литератор Данилевский опубликовал его стихотворный вариант в цикле *Степные сказки*. А когда же сам сюжет зародился среди народных масс и откуда он точно берет свое начало - этого никому точно не угадать.

Несмотря на факт, что многие годы писатель провел на государственной службе, в России, будучи высоким министерским чиновником (он имел открытый доступ к тайным царским архивам, откуда неоднократно черпал мотивы для своих романов, полных таинственности и неоднократно пикантных, неправдоподобных деталей) и редактором «Правительственного вестника», но в родную деревню - в село Даниловка Изюмского уезда Харьковской губернии - он очень охотно и как можно чаще возвращался как по служебным, так и по частным делам. Поэтому окрестности Харькова были беллетристу хорошо известны. Он общался с местными жителями, слушал их устные менее и более фантастические рассказы, легенды, предания и народные верования.

Именно благодаря им появились *Бесы*. Героиня сквзки - униженная и оскарбленная бедная вдова, лишённая городским судом небольшой избы в пользу богача, подкупившего судей, призвала на помощь бесов. Дьявольский суд выдал более справедливое решение, чем человеческий. А данный сюжет часто используется в произведениях польских как народных, так и литературных творцов.

Каждый житель Люблина - столицы, расположенной на западе бывшей царской империи Люблинской губернии, превосходно знает находящееся в районе Старого города здание Трибунала коронного, где с 1578 года была учреждена высшая апелляционная судебная инстанция Речи Посполитой обоих народов для шляхетских судов, а также связанную с этим строением легенду о проходившем когда-то в его парадном зале заседании дьявольского суда, председатель которого, свое решение скрепил, как было положено главарю бесов, раскаленной чертовой лапой.

Люблинская легенда, озаглавленная *Чертвa лапа*⁵, имеющая свое подтверждение в исторических источниках, касается состоявшегося в 1638 году судебного заседания и повествует она о споре бедной, проживающей недалеко от Люблина, вдовы с магнатом, стремящимся овладеть ее собственностью. Он даже сжег ее небольшую избушку, в которой спала именно она и трое ее детей. Их разбудило пламя, они успели схватить еще свое ничтожное имущество и бежали. Городской суд в лице подкупленных шляхтичем судей, а также на основании показаний «очевидцев» из-под пивных ларьков и соответственно вознагражденных за «услугу», первоначально издал решение именно в его пользу, но бедная женщина не

---

⁵ M. Orłóń, J. Tyszkiewicz, *Diabeł w Trybunale*, [w] *Legendy i podania polskie*, Warszawa, 1990; A. Gauda, Z. Nasalski, *Czarcia łapa*, Lublin 1991 (первый и второй варианты легенды, которые отличаются друг от друга только лишь сюжетными деталями, не имеющими никакого влияния на содержание конкретных произведений, на их главную мысль).

сдалась и передала дело в порядке апелляции в кассационный суд, будучи убежденной, что закон на ее стороне и дело легко будет им решено.

Стороны (фамилий которых не называют ни исторические источники, ни народное предание) поспорили, конечно, об имуществе вдовы, а после того, когда коррумпированные судьи второй раз приняли решение в пользу богача, отчаянная вдова, не нашедши понимания среди почтенных наместников Фемиды, жестом бессилия и отчаяния протянула руки по направлению к висящему на стене в зале судебных заседаний Круцификсу (Распятие) и словами «Если бы бесы судили, издали бы более справедливое решение»⁶ нечаянно вызвала на помощь посланцев ада, а затем со слезами на глазах выбежала из здания Трибунала.

После полуночи к ратуше подъехала великолепная карета. Из нее вышли богато одетые мужчины, а через минуту в зале заседаний трибунальского суда что-то стало гудеть, шуметь, появились там удивительные персонажи в черных париках, с копытами и хвостами и начали заново свое судебное разбирательство. На этот раз справедливость победила, так как эти личности оказались больше «человечными», чем трибунальские судьи, решая спор в пользу вдовы. Согласно соответствующему решению магнат должен был построить и оборудовать для вдовы новый дом, фальшивых свидетелей велели бичевать, чтобы больше они не врали - что составляло предостережение для судей и для свидетелей, дающих лживые показания. Испуганный судебный летописец, записывавший ход дела, заметил дьявольские рога, искусно скрытые в черных кудрях, а позже на трибунальском столе, на месте, по которому произносящий судебное решение дьявол ударил ладонью, нашли обожженный след, скрепивший предметное решение приезжего судьи.

И сегодня в Люблинском музее, находящимся в Замке в старой части города, можно посмотреть осязаемый результат того ночного заседания. А является им, как заверяет народное предание, старинный стол с выжженным черным следом дьявольской руки. А второе доказательство - это Трибунальский Крест, в настоящее время помещенный в одной из часовен местного Кафедрального собора, на котором распятый Христос, в то время, когда дьявольская коллегия зачитывала свое решение, не захотел смотеть на то, как наместник Вельзевула вершат проговор более справедливый, чем люди, и повернул голову в сторону стены.

Сюжетом, почерпнутым Григорием Данилевским из фольклорной сокровищницы восточнославянских народов, воспользовался, вероятно, также польский писатель Генрик Жевуский (1791-1866). Почти такой же мотив, тесно связанный и с *Бесами* Данилевского, и с люблинской легендой о «чертовой лапе», но немножко в другом освещении, нашел отражение в легенде *Люблинский трибунал*⁷, помещенной в романе этого беллетриста - *Воспоминания Соплицы*. Рожденный в бывшей Волынской губернии литератор отразил в ней верования окружающего его народа. Они были очень похожи на те, которые легли в основу произведения Данилевского - уроженца соседней Харьковской губернии, расположенной, как известно, на восток от Волынской и соседствующей с ней.

⁶ Перевод автора - Л.М.

⁷ H. Rzewuski, *Trybunał Lubelski*, [w] *Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego*, Warszawa 1983.

Действие опубликованного в сказовой манере в 1839-1841 гг. произведения, если примем во внимание дату его издания, так как отсутствует в нем однозначная временная конкретизация, происходит спустя 200 лет после приключений вдовы из Люблина с «чертовой лапой», значит в конце 30-ых годов XIX столетия, но мотив судебного разбирательства - в том же месте, что и действие люблинской легенды. Зато пространственное начало повествования сосредоточено в расположенном на восток от губернского Люблина - в Житомире - столице бывшей Волынской губернии, где преобладало как польское, так украинское и русское население. А все эти сюжетные мотивы можно найти на полупути между Любдином и очередной губернской столицей - Харьковом., в окрестностях которого проживали, главным образом, украинцы, но и, хотя в меньшей уже степени, русские. Именно та территория - это источник происхождения третьего предания, которое является продолжением наших размышлений в следующей части нашей статьи.

Некий В. Курдвановский, герой *Люблинского трибунала* - богатый, зажиточный житель Житомира - склочник и задира, который коварством и обманом захотел приобрести находящееся среди многих его земель небольшое имение бедной вдовы Глинковой. В данном произведении, в отличие от предыдущего, действующие лица не выступают анонимно. Читатель узнает имена, фамилии, должности героев. С помощью подкупленных свидетелей, судебных ораторов, уполномоченных и доверенных лиц он дважды явился победителем как в ходе городского, так и земского судебных разбирательств, оставляя, таким образом, женщину и ее троих детей (народная вера представителей разных наций в «магическую силу» числа «3» находит применение в обоих произведениях) без жизненных средств к жизни. Вдова, однако, в апелляционном порядке подала жалобу в кассационный суд (опять число «3», обозначающее количество разбирательств) - Люблинский трибунал.

Курдвановский ехал в губернский Люблин на это третье уже судебное заседание (опять число «3») с деньгами, необходимыми для того, чтобы подкупить очередных судей и свидетелей. По дороге он остановился на ночлег в городе Пяски-Трибунальске⁸, где приснилось ему, что суд приговорил к смертной казни подкупленных им свидетелей, доверителей и уполномоченных, а вопрос о наказании его самого суд отсрочил до Пасхи. Богач испугался, но искушаемый дьяволом, решил, что его собственная гордость не позволяет ему отказаться от предпринятого дела, а совесть успокаивал он обещанием удовлетворить каким-то образом вдову, но не уточнял ни как, ни когда это должно будет произойти.

Успокоенный Курдвановский продолжал в Люблине стараться достичь положительного для себя результата. Однако он пришел в ужас, когда узнал, что подкупленные им и направляющиеся на то же судебное заседание оратор Хоецкий и адвокат Хамец погибли в результате несчастного случая, когда с моста упали в реку вместе с коляской, в которой ехали. Тогда богач впервые в жизни подумал о согласии и признал, что госпожа Глинкова права, вознаградив ей все расходы и потери. Даже публично он извинился перед женщиной и просил у нее прощения. А таким решением, в свою очередь, Курдвановский расположил к себе народ, который пророческий сон и покаяние грешника, тем более искушаемого дьяволом,

---

⁸ Сегодня эта местность называется: Пяски.

признал победой справедливости, триумфом Бога над сатаной.

Итак, в *Люблинской легенде* и в *Чертровой лапе* победу одержало народное понимание справедливости, согласно которому зло в борьбе с добром всегда терпит поражение. В предании, изложенном Генриком Жевуским, несмотря на его очевидное сюжетное сходство с люблинской легендой, отсутствует, однако, решительное вмешательство адских сил, как в том другом произведении. А и сам главный герой в отличие от героя *Чертровой лапы*, возвратился на путь образцовой христианской жизни. Скончался он, однако, хотя на много лет позже, так согласно пророчеству, которое было ему известно уже 30 лет - в праздник Пасхи. Таким образом, автор отдал дань народной вере в неизбежность наказания за несправедливость и обиды, причиненные другому человеку.

С некоторой дозой правдоподобия можно выдвинуть гипотезу, мотивированную фабулой сказового повествования Генрика Жевуского, а конкретно - принимая во внимание авторскую информацию о дате смерти героя произведения господина В. Курдвановского, что описанные происшествия имели место, как это мы раньше заметили - не в конце 30-ых годов XIX века, т.е. почти 200 лет спустя от тех, которые были изображены в *Чертровой лапе*, только около 1805-1810 годов или даже на много лет раньше.

С одной стороны в пользу такого предположения говорит язык произведения, стилизованный на язык XVIII столетия. В *Воспоминаниях Соплицы* мастерски представлен образ жизни и обычаев польской шляхты в конце существования независимой Речи Посполитой⁹. Однако, с другой стороны, можно думать, что мы имеем дело не только с плодом фантазии беллетриста. Мог ли он, будучи еще мальчишкой, хотя бы только в своих раздумьях, чертить фабулы будущих произведений? Жевуский много путешествовал по Европе, по Польше, по России, по украинским и белорусским землям. В это время он встречался с местным населением, слушал его устные предания, рассказы. Поэтому писатель мог спервы услышать эту сказку, которую также узнал в Харьковской губернии Григорий Данилевский, или же сперва познакомиться с содержанием легенды о чертовой лапе и на основе любого из этих произведений написать свой рассказ, изменяя и приукрашивая разные факты. Мог даже вообще не знать о их существовании, создавая свой вариант борьбы бедной вдовы с магнатом. А может было еще совершенно по другому?

Кстати, следует добавить, что люблинский Трибунал коронный пользовался плохой славой не только среди местного населения, но также и среди приезжих. Он воспринимался как продажное, несправедливое учреждение, стоящее на стороне не истинной правды и справедливости, только совершавшее все действия в пользу тех, которые добивались своих прав путем насилия, коварства, силы, вымогательства, лжи и взяточничества. В этом могли убедиться известные деятели польской литературы, культуры и общественной жизни: Вацлав Потоцкий, Игнатий Красицкий, Веспасиан Коховский, священник Енджей Китович¹⁰.

⁹ H. Rzewuski, *Uwagi o dawnej Polsce przez Starożytnego Szlachcica Seweryna Soplicę Cześnika Parnawskiego napisane 1832 roku: rękopis niewydanej ręką Henryka Rzewuskiego*, Warszawa 2003.

¹⁰ A. Grochowski, *Lublin w życiu i twórczości pisarzy polskich: od średniowiecza do roku 1918*, Lublin 1965; A. Grochowski, *Lublin i Lubelszczyzna w życiu i twórczości polskich pisarzy od średniowiecza do 1968 roku*, Lublin 1974; J. Kitowicz, *Pamiętniki, czyli Historia Polski*, Warszawa 2005.

В контексте приведенных выше рассуждений не имеет существенного значения факт, какое из названных нами произведений появилось раньше и какое из них возможно могло служить прототипом для остальных. Но очень важным элементом является констатация факта взаимного проникновения и обогащения культур на широко понимаемом украинско-польско-русско-белорусском пограничье. И хотя оно принадлежало одному могучему государственному организму, каким была царская империя, однако с культурной точки зрения, соблюдая способ мышления проживавшего на этой территории населения, а также учитывая формы его отношения к широко понимаемой действительности - эти части пограничья и отличались друг от друга, и взаимно дополняли друг друга. Превосходным примером данного тезиса является небольшое произведение, появившееся на территории, расположенной восточнее Житомира, а следовательно, и Люблина - на харьковской земле.

И именно оно - стихотворная сказка *Бесы*, написанная, а вернее обработанная русским и украинским писателем Г.П. Данилевским, хотя в половине XIX столетия, но на основании древних народных преданий, верований и рассказов, является источником для остальных обсуждаемых нами произведений. Автор *Мировича* и *Княжны Таракановой* продемонстрировал в ней народное понятие справедливости, которое берет свое начало в богатой сокровищнице фольклора юго-западной части царской России. Исключительное тематическое сходство можно заметить в соотнесении *Бесов* с *Чертовой лапой*, поскольку действие первого из этих произведений разворачивается в неопределенном прошлом, а люблинская легенда повествует о почти конкретных, исторически доказанных событиях конца 30-ых годов XVII века, именно она кажется наследницей своего восточнославянского источника. В данном контексте *Люблинский трибунал* Генрика Жевуского - это только литературная разновидность обоих вышеназванных произведений, возникших на народной основе.

Дополнительно надо отметить, что мало правдоподобным является предположение, чтобы Григорий Данилевский подражал люблинской легенде о «чертовой лапе». Правда, дважды - в 1867 и в 1873 годах он ехал на поезде из Петербурга через Варшаву на запад Европы, но не останавливался на польской земле, да и оба путешествия писатель совершил тогда, когда уже экземпляры *Бесов* попали в руки читателей. Более вероятным является факт, что мог он познакомиться с содержанием *Люблинского трибунала* Генрика Жевуского, так как этот рассказ, как и все остальные, входящие в состав *Воспоминаний Соплицы*, был переведен на русский язык. В тематическом сходстве этих трех рассматриваемых нами произведений надо заметить общее для разных наций и народов заступничество за них адских сил, традиционно считавшихся враждебными человеку, отождествляемых со злом, а несмотря на это - защищающих людей слабых, оскарбленных, униженных так называемыми «справедливыми».

Центральные персонажи *Чертвой лапы*, *Люблинского трибунала* и *Бесов* - это бедные вдовы, ищущие в споре с циничными, жадными и коварными магнатами справедливости в продажном городском суде и уверенные, что правда дороже денег и золота. Только предмет самого спора немножко другой: люблинская легенда касается небольшой избушки, рассказ из-под Житомира - небольшого имения, а украинская сказка - маленькой избы. Другие различия сюжетно-описательного

характера относятся не к существу дела, а к второстепенным подробностям.

Легенда о «чертовой лапе» содержит подробное описание судебного ине-рьера, костюмов персонажей, символов власти, в стихотворной сказке Данилевско-го оно гораздо короче, а в сквзовом повествовании Жевуского вообще отсутствует. В свою очередь героиня последнего произведения - самая решительная в борьбе за собственную правду, вдова из города на реке Быстрица - самая мятежная, героиче-ская из этих трех женщин, зато их украинская подруга по несчастью - наоборот - покорная, терпеливая и примирившаяся с обездоленностью.

Немного другим является также существенный мотив вмешательства ад-ских сил в человеческие дела: в Люблин посланники Вельзевула были призваны как бы самой жертвой магнатского произвола, во сне господина Курдвановского они появились по собственной инициативе, наподобие неожиданных гостей, зато в сказке из-под Харькова их присутствие было вызвано вызовом, который бросил им слишком уверенный в себя богач.

Местом действия *Чертвой лапы* является городской суд, куда черти при-езжают ночью (в украинском варианте второй раз они появляются там также и утром) с целью составить дьявольское, так существенно отличающееся от челове-ческого судебное решение. Рассказ украинско-польского пограничья, как произ-ведение самое большое из представленных нами, тем отличается от двух осталь-ных, что сам судебный мотив составляет пропорционально небольшой эпизод повествования и хотя он помещен в сон героя, однако нет в нем однозначной вре-менной конкретизации, которая объясняла бы, когда проходило заседание судей из того мира - днем или ночью.

Под люблинский трибунал посланники ада приехали в каретах, возглав-ляемые своим главарем, а через украинский городок тащился их разноцветный хоровод, в котором отдельными группами шли молодые и старые, уже седые бесы, лишённые индивидуальности черт. Зато у Жевуского, несмотря на факт, что от-сутствует описание появления чертей, хотя в очень сжатой форме, но момент су-дебного заседания описан относительно точно, а каждый из необычных гостей исполнял в нем свойственную только ему роль. Итак, Курдвановскому снились председатель суда, уполномоченные, представители разных поверенных, публич-ный обвинитель, он слышал, как зачитывали свои речи отдельные выступающие перед судом.

Само заседание дьявольского суда Данилевский описал сжатым образом, отмечая лишь момент входа бесов в здание, факт, что они сели за стол, зажгли множество свечей, хотя во временном отношении писатель заметил, что данные действия продолжались очень долго - всю ночь. *Чертвова лапа* приводит информа-цию и о самом начале судебного заседания, и о слушании свидетелей, и о выдаче председателем суда решения, скрепленного ударом ладони в стол, которая оста-вила на нем прочный черный выжженный след.

В противовес люблинской бунтующейся вдове, которая не могла прими-риться с человеческой земной «справедливостью», трибунальские чиновники, вы-давшие этот приговор, сразу же согласились с волей необычных гостей; зато укра-инская юстиция пыталась, хотя, правда, короткое время и безуспешно, противос-стоять адским силам. Жевуский, в свою очередь, поступил немножко по-другому, так как по сути дела посланники Вельзевула непосредственно не появились в его

рассказе (хотя их, так сказать, заочное вмешательство было очевидным для героя). Перемещая реальность в сферу сна, автор допустил, однако, возможность воздействия сверхъестественных сил на человеческие дела и соломоновым решением отсрочил принятие решения до праздника Пасхи. И таким образом писатель дал подсудимому возможность обдумать свое поведение, исправить обиды и вред, которые он нанес вдове. А этим, хотя не сразу, последний и воспользовался.

Точкой соприкосновения всех названных в нашей работе произведений, кроме их тематики, являются также окончания всех этих трех преданий, в которых нанесенные вдовам обиды и вред были удовлетворены путем возвращения им имущества, силой присвоенных денег. Мораль вытекает одна: *нельзя играть человеческими обидами и вредом, а если уже кто-то совершил их, то должен немедленно удовлетворить законные требования, так как справедливость может обозначать исключительно справедливость...* Итак, особенного внимания заслуживает сходство мотивов, сюжетных линий, персонажей, способов завязки и развязки действия, друг на друга похожи во временном отношении периоды возникновения обсуждаемых нами произведений. Они, по сути дела, отличаются лишь только местом своего появления, но этот элемент одновременно также и объединяет их. Это украинско-польско-русско-белорусское культурное пограничье - своего рода феномен, а суть его заключается в том, что люди, которые находились друг от друга на относительно большом расстоянии, а не было у них таких технических средств для общения, которыми мы располагаем в сегодняшнее время, думали, чувствовали, выражали свои эмоции и мнения хотя не идентичным образом, но очень похожими друг на друга методами. А данный факт можно легко заметить прежде всего именно на пограничье, где он является свидетельством, подтверждающим взаимное проникновение и обогащение культур.

Все рассмотренные нами произведения, являющиеся отражением многовековых верований народа, подтверждают трансграничный характер его мудрости, свидетельствуют о влиянии восточнославянского фольклора на литературное творчество и на фольклор польских земель, с которыми оно неразрывно связано, ибо украинский, русский, белорусский и польский народы берут начало из единого корня - славянщины.

С большой дозой правдоподобия можно сказать, что такие же мотивы найдет исследователь и в богатой культурной сокровищнице белорусского народа, а также в отдаленных регионах России, которые в аспекте обитаемого географического пространства не являются уже в большой степени землями, отдаленными от этнической пограничной территории, разделяющей и в то же время объединяющей польский, украинский, русский и белорусский народы. Но данные размышления требуют отдельных исследований и составляют собой лишь только проект тезиса очередной будущей публикации. Однако верным является факт, что Люблин - это самый большой польский город на правом берегу реки Вислы, обладающий превосходным приграничным географическим положением, который имеет право претендовать на то, чтобы стать центром такого типа научных литературных и культурных исследований.

Summary

Leszek Mikrut

The interpenetration of folk myths Polish and its eastern neighbors

History and literature have been inextricably intertwined with each other. The first one tells us about “what happened” and the other one reports on “how did it happen.” Folk mythology developing concurrently with literature is a part of an outlook on the world. The fact that a human being is a part of history makes a folk myth its part as well. Its synthesis with literature is observable in every national historiography and mutual relationships present for ages among Poles, Russians, Ukrainians and Belarusians dwelling Central and Eastern Europe confirm general regularities of historic development.

The influence of folk customs on our every day life is powerful and easy to observe. It does not have any borders and hence, it leaves its imprint on cultures of various nations and countries. Folk beliefs in evil powers are expressed also in literature. A popular Lublin legend about *Czarcia Łapa* (*Devil's Hand*) is a perfect example, though it is not the only one. The folktales of the same kind can be also found in the Polish-Ukrainian borderland. The tale *Trybunał Lubelski* (*Tribunal in Lublin*) written in Żytomierz by Henryk Rzewuski refers not only to the Lublin legend, using the motif of a poor widow bullied by a rich man. The widow is protected by the powers traditionally considered hostile towards humans, though defending those who suffer injustice from the ones standing above the law. A similar tale called *Biesy* (*The Devils*), based on a folk tradition was written by Grzegorz Danilewski, an unjustly forgotten Russian writer of the so-called Ukrainian school. The above-mentioned works reflect the phenomenon of the cross-cultural transmission in the Polish-Ukrainian borderland. And this is a problem that is worth detailed research.

Streszczenie

Leszek Mikrut

Wzajemne przenikanie się mitów ludowych Polski i jej wschodnich sąsiadów

Od stuleci historia i literatura są nierozzerwalnie ze sobą związane. Pierwsza opowiada o tym, „co było” w rzeczywistości, a druga o tym, „jak to się odbyło”. Równoległe z twórczością literacką rozwija się także twórczość ludowa, będąc jej pierwotnym źródłem. A zarodki współczesności tkwią w przeszłości historycznej; niejednokrotnie nie tylko w historycznych faktach, ale również i w ludowych mitach. Są one istotną częścią życia człowieka, elementem składowym narodowej historiografii. Synteza mitu ludowego i literatury, dwóch chociaż nie podstawowych, ale istotnych elementów historiografii każdego kraju, jak również ich wzajemne przenikanie się – to jeden z bardziej interesujących czynników współczesnej nauki o przeszłości.

Nie znająca granic ludowa fantazja natchnęła urodzonego w byłej guberni charkowskiej – rosyjskiego i ukraińskiego pisarza – Grzegorza Danielewskiego (1829-1890), który napisał pod jej wpływem wierszowaną bajkę „Biesy”. Jej bohaterka, biedna wdowa, ograbiona przez miejski sąd, wezwała na pomoc diabły, które wydały bardziej sprawiedliwy wyrok niż sąd ludzki. Taka sama fabuła znalazła odzwierciedlenie również w guberni wołyńskiej w legendzie polskiego pisarza Henryka Rzewuskiego (1791-1866) „Trybunał lubelski”. Na zachodzie zaś carskiego imperium – w guberni lubelskiej znana była „Legenda o czarnej łapie”. Bohaterowie, fabuła i morał tych utworów są bardzo do siebie podobne. Wszystkie one odzwierciedlają wielowiekowe wierzenia narodu, potwierdzają transgraniczny charakter jego mądrości, świadczą o wpływie folkloru na twórczość literacką oraz na historiografię, z którymi są nierozzerwalnie związane, gdyż narody: ukraiński, białoruski, rosyjski i polski biorą swój początek ze wspólnych korzeni – ze Słowiańszczyzny.

